

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О КОНСТАНТИНЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ЛЕОНТЬЕВЕ

Читая иногда заглавие какого-либо романа, печатаемого в фельетонах мелкой московской прессы с особенным почему-то подчеркиванием, что это роман «из московской современной хроники» или «из московской жизни», я невольно вспоминаю один грустный факт, которого мне пришлось быть очевидцем. Хотя факт этот случился уже более 17 лет тому назад, но мне думается, что то же самое может происходить и теперь.

Прежде чем рассказать об этом случае, мне необходимо начать с воспоминания о моем случайном знакомстве с известным писателем-славянофилом, бывшим сначала нашим консулом на Востоке, а во время моего знакомства с ним московским цензором, Константином Николаевичем Леонтьевым, автором известной книги «Восток, Россия и Славянство» и целой серии повестей и рассказов, изданных потом под общим заглавием «Из жизни христиан в Турции».

Это был в полном смысле слова оригинальный человек.

Вспыльчивый до невозможности, но всегда правдивый, любивший правду и видевший ее во всех проявлениях, Константин Николаевич в случае замеченной несправедливости не останавливался ни перед чем и действовал напролом, иногда жертвуя прямыми своими интересами.

Первая моя встреча с ним произошла довольно забавно.

Находясь временно, в ожидании вакансии на должность вольнонаемного писца, в канцелярии Московского цензурного комитета, я однажды утром сидел за списком периодических изданий. То и дело хлопали дверями разные «книжки» и «фарисеи», как мы называли представителей Никольской литературы. Вдруг в канцелярию влетает кто-то, одетый в шубу с довольно потертым не то куньим, не то лисьим

воротником, укутанный громадным шарфом, и, не снимая шапки, порывисто спрашивает:

– Могу я видеть Евгения Алексеевича?* <* Е. А. Кожухова, бывшего в то время председателем МЦК и умершего года три тому назад.>

Из не затворенных дверей канцелярии и коридора под ноги мне так и валило холодом зимы.

Взглянув на странного посетителя с небольшою русоватою бородкой и подстриженного, по-казачьи, в скобку, я ничуть не сомневался, что вижу перед собою одного из николевских «книжников», и с юношеским задором вместо ответа выпалил:

– А вы, батенька, двери-то раньше затворите, ведь здесь не кабак!

– Ишь ты, шустрый какой, – добавил я вслед ему, когда он со словами: «Виноват... Сейчас...» бросился затворять двери.

– Давно бы так, – встретил я возвратившегося в канцелярию посетителя.

Но тут мне пришлось очень покраснеть за свою неловкость, когда последний подал свою визитную карточку, на которой стояло: «Редактор “Варшавского Дневника”, статский советник Константин Николаевич Леонтьев».

Я вспыхнул до корней волос.

Назначение и утверждение Константина Николаевича московским цензором давно уже лежало у нас в канцелярии, и мы со дня на день ожидали его приезда.

– Виноват... ваше... превосходительство, – едва мог выговорить я от стыда, вставая.

– Давно бы так, – повторил мои слова с усмешкой Константин Николаевич. – Ваше имя, молодой человек? – и когда я сказал, добавил, подавая мне руку: – Будем знакомы.

Через несколько дней я был принят у него как родной и ходил к нему каждый вечер переписывать черновые рукописи. Писал Константин

Николаевич, к слову сказать, очень неразборчиво, так что иногда некоторые слова в своих рукописях положительно отказывался разбирать и сам, заменяя их другими.

Квартира его находилась тогда на Новинском бульваре, близ Смоленского рынка, где он занимал отдельный очень большой барский флигель, хотя вся семья его состояла лишь из него и его жены.

Большинство комнат почти не имело никакой мебели, а в большой зале положительно не видно было ни одного стула, и она служила лишь местом прогулок Константина Николаевича, когда он, обдумывая какое-либо сочинение, расхаживал по ней из угла в угол часа по два. Дома он одевался всегда в русский казакин и длинные сапоги.

Во время письменных работ Константин Николаевич запирался в кабинете на ключ, и никакая экстренность, никакой посетитель не могли вызвать его оттуда, так что иногда он не делал исключения даже и для уважаемого им М. Н. Каткова. Он волновался, если к нему стучали, и кричал, что если бы даже явился к нему отец с того света, то он и то не отопрет.

– Хоть горите там! – доносился из-за двери его тонкий громкий голос.

Религиозен Константин Николаевич был в высшей степени, так что почти не пропускал ни одной ранней обедни, и всегда, когда я приходил в воскресенье, первый вопрос, которым он встречал меня, был:

– А вы были сегодня у ранней? Молитесь, а то постучит Бог в голову, тогда узнаете! Меня уж постучал. Я тоже раньше ни в Бога, ни в чорта не верил... Да вот куцую куртку-то сняли бы да бабьи башмаки. Надели бы длинные сапоги да казакин, – на что лучше? Ведь вы русский?

– Неловко, Константин Николаевич, – оправдывался я.

Но он, не давая закончить, перебивал:

– Что? Неловко? Ну уж это неправда! И ходить легче, и работать лучше.

– Да ведь все так носят, – не унимался я.

– Ну, и пускай их носят, а вам-то зачем?

Однажды, в минуты хорошего расположения духа Константина Николаевича, я осмелился спросить его, как это «постучал его Бог в голову» (признаться, эта мысль меня давно преследовала). Но он не дал положительного ответа, а лишь вкратце рассказал мне свою жизнь, как он, после четырехлетнего пребывания на медицинском факультете Московского университета, поступил военным врачом в Крым (во время войны), «не веря ни в Бога, ни в чорта», затем, оставив эту службу, был назначен консулом в греческие провинции Турции, оставаясь в том же неверии. «Вот тут-то Он меня и постучал», – добавил он, не разъясняя подробнее сути дела.

После этого «стука» в голову Константин Николаевич, бросив консульство, в одну прекрасную ночь исчез бесследно, – и, несмотря на самые энергические поиски, не мог быть отыскан. Думали сначала, что его убили турки. Но Константин Николаевич оказался на Афоне, в одном из монастырей, где и пробыл более года, и затем так же неожиданно явился в мире, как и исчез из него.* <* После редактирования “Варшавского Дневника” и затем московского цензурства К<онстантин> Н<иколаевич> переселился в Оптину пустынь (Калужск<ой> губ<ернии>), и в последний год своей жизни принял тайный постриг, затем переехал в Троицкую лавру, близ которой и похоронен (1891 г.) в Гефсиманском скиту.>

Видимо, очень красивая в молодости, смуглая крымская гречанка, жена К<онстантина> Н<иколаевича> была в мое время весьма оригинальная женщина и порой совершенно ребенок. Иногда она проделывала странные вещи. Так, например, однажды она продала татарину за 1 р. 50 к<оп.> шитый золотом мундир К<онстантина> Н<иколаевича> со всеми на нем орденами и поехала к кондитеру Фельш на Арбате, чтобы купить себе фунт конфет. Едва могли разыскать этого татарина и вернуть мундир обратно, а в этот день Константин

Николаевич должен был представляться генерал-губернатору. К<онстантин> Н<иколаевич> долго смеялся этому и говорил, что ему едва не пришлось представляться в русской поддевке.

Но обратимся к началу нашего рассказа, так как воспоминаний этих, пожалуй, и не кончишь.

Однажды вечером К<онстантин> Н<иколаевич>, его жена и я сидели в столовой за чаем. Жена К<онстантина> Н<иколаевича> играла на гитаре и без умолку говорила мне о родине ее, Крыме. К<онстантин> Н<иколаевич>, прихлебывая маленькими глотками из стакана чай, сидел за принесенными гранками какой-то московской газетки и, изредка взглядывая на нас, потихоньку посмеивался детским речам жены. Было уже около 10<-ти> ч<асов> вечера. Вдруг раздался звонок, и через несколько минут в столовую вошел человек К<онстантина> Н<иколаевича> и доложил, что его желает видеть какой-то купец с женой по весьма экстренному делу. К<онстантин> Н<иколаевич> порывисто встал и с гранками в руках вышел в переднюю. Я последовал за ним. В передней стоял седой купец-русак со своею благоверною, которая почему-то всхлипывала.

– Батюшка, отец родной, спаси! – бросились они оба в ноги К<онстантину> Н<иколаевичу> при его выходе.

– В чем дело? в чем? – скороговоркой заговорил тот, отскакивая к стене.

– Помилуй, отец родной, где я могу взять две тысячи? – говорил купец, не поднимаясь с колен, – я должен торговли решиться... а тут дочь... жаль, одна единая... Кто ее замуж возьмет? Весь город прохожу мне не дает... Пальцами показывают... Срам!..

С трудом, после того как купец немного успокоился, можно было понять из его слов, что в одной из газеток появился роман, описывающий слишком ясными именами и местом действия любовную ошибку его

единственной дочери; что автор этого романа сам же указал ему на это и за прекращение его печатания просил с купца две тысячи.

К<онстантин> Н<иколаевич> возмутился до глубины души и успокоил старика, сказав, что все будет сделано. Затем он хотел было вернуться в столовую, но купец, вынув свой объемистый бумажник и подавая его К<онстантину> Н<иколаевичу>, сказал:

– Вот, отец родной, возьми, здесь триста, больше не могу!

– Если ты еще раз осмелишься сказать мне это, то я вышвырну тебя вон! – крикнул К<онстантин> Н<иколаевич>, возвышая голос. – Иди... Все будет сделано...

Возвратясь в столовую, я видел, как он нервно чертил какие-то гранки, даже прорывая бумагу.

Со следующего же дня фельетон в газетке оборвался...

Впервые: Русское обозрение. 1898. № 1. С. 485–489.

Во второй половине 1892 г. редактором «Русского обозрения» (журнала, выходившего в Москве с 1890 г.) стал один из учеников К. Н. Леонтьева, Анатолий Александрович Александров (1861–1930). В разделе «Материалы для характеристики русских писателей, художников и общественных деятелей» он неоднократно публиковал письма Леонтьева (к К. А. Губастову, А. А. Фету и др.). В этом же разделе появился и републикуемый нами небольшой мемуарный очерк, сведений об авторе которого найти в настоящее время не удалось. Или его подпись представляет собой псевдоним, или автор не остался служить в Московском цензурном комитете, или же не продвинулся там дальше должности «вольнораемного писца» (о которой говорится в тексте), так что его имя не попало в справочники. Очерк Н. Миляева интересен живостью повествования, позволяет «услышать» речь Леонтьева, увидеть его в домашней обстановке, о которой воспоминаний сохранилось крайне мало, и узнать некоторые любопытные детали из его цензорской службы. Время действия относится к 1880–1883 гг.

...с известным писателем-славянофилом... – Славянофилом К. Н. Леонтьев может быть назван с очень большой натяжкой.

...бывшим сначала нашим консулом на Востоке... – См. примечание к статье И. И. Колышко.

...московским цензором... – В Московском цензурном комитете Леонтьев служил с декабря 1880 по февраль 1887 г.

...автором известной книги «Восток, Россия и Славянство»... – См. примечание к очерку Колышко.

...целой серии повестей и рассказов, изданных потом под общим заглавием «Из жизни христиан в Турции». – Трехтомник «Из жизни христиан в Турции» (М., 1876), изданный М. Н. Катковым, включил в себя повести, рассказы (автор называл их «восточными») и первые две части романа-эпопеи «Одиссей Полихрониадес». Все эти произведения печатались в 1867–1875 гг. в журнале «Русский вестник».

...разные «книжки» и «фарисеи», как мы называли представителей Никольской литературы. – На Никольской улице в Москве размещалось множество типографий (начиная с древней Синодальной) и лавок книготорговцев. Представителями «Никольской литературы» (определенными здесь евангельским выражением «книжники и фарисеи») называли издателей лубочных книг, листков для народа и т. п. Позднее к ним прибавились издатели бульварных листков и прочего «чтива», которое Д. В. Аверкиев в своем «Дневнике писателя» окрестил «Новоникольской литературой», подчеркивая этим, что литература просто «Никольская» носила хотя бы христианский характер, «новая» же была откровенно торгашеской, ничем не брезгающей. Кстати, в своей статье об этой «литературе» («Новоникольская улица. Очерк литературных нравов») Аверкиев, между прочим, бывший в это время приятелем Леонтьева, говорил и о расцвете шантажа, превратившегося в «подкаретных листках» в целый промысел. См.: Аверкиев Д. В. Дневник писателя за 1886 год. СПб., 1886. С. 126–140. Пример этого приводится и в конце мемуарного очерка Миляева.

...одетый в шубу с довольно потертым не то куньим, не то лисьим воротником... – Только в 1885 г. Леонтьев смог приобрести (и то в рассрочку) следующую свою шубу, притом подержанную, принадлежавшую одному из его учеников, Г. И. Замараеву, ее он носил уже до конца жизни. См.: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты». С. 569.

Могу я видеть Евгения Алексеевича? – Евгений Алексеевич Кожухов (1824–1895) – председатель Московского цензурного комитета (с 1879), член Совета Главного управления по делам печати (с 1883), председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета (с 1883); сохранилось несколько писем к нему Леонтьева.

«Редактор “Варшавского Дневника”, статский советник Константин Николаевич Леонтьев». – С января по апрель 1880 г. Леонтьев был помощником редактора газеты «Варшавский дневник» (а печатался в этой газете до ноября того же года). Мемуарист неточен: чин статского советника Леонтьев получил уже на цензорской службе, 14 марта 1884 г. (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 285. Л. 46).

Назначение и утверждение Константина Николаевича московским цензором давно уже лежало у нас в канцелярии, и мы со дня на день ожидали его приезда. – Исправляющим должность цензора Леонтьев был определен 19 ноября 1880 г., приказ Министерства внутренних дел о его назначении датирован 4 декабря (Там же. Л. 6, 8а – 8г). До 1883 г. он так и оставался «исправляющим должность цензора», и лишь 22 ноября этого года был утвержден в ней, в один день со своим сослуживцем В. В. Назаревским, сотрудником «Московских ведомостей» (Там же. Л. 33).

Квартира его находилась тогда на Новинском бульваре, близ Смоленского рынка, где он занимал отдельный очень большой барский флигель, хотя вся семья его состояла лишь из него и его жены. – В доме Котлерова, бывшем Сорокина, на Новинском бульваре Леонтьев жил с января 1881 г. (приехав в Москву он остановился сначала в «Лоскутной» гостинице) до 1883 г., когда переехал в Малый Песковский переулок в дом Боде. Жена К. Н. Леонтьева (с 1861) – Елизавета Павловна (наст. отчество Борисовна), урожденная Политова (ок. 1842–1917), из мещанского сословия, гречанка по отцу, молдаванка по матери, уроженка местечка Карасу-Базар под Феодосией. В 1855–1857 гг. она была любовницей Леонтьева; в июле 1861 г. он специально приехал в Крым, чтобы жениться на ней.

Большинство комнат почти не имело никакой мебели... – 1881-й год был особенно трудным для Леонтьева в финансовом отношении, не было денег даже на извозчика, приходилось закладывать одежду, чтобы купить еды до получения жалованья и т. д., поэтому о приобретении мебели говорить не приходилось. В то же время Леонтьев не мог, в силу своих привычек и любви к покою, поселиться в квартире многоэтажного дома.

Дома он одевался всегда в русский казакин и длинные сапоги. – Леонтьев стал еще в конце 1860-х гг. одеваться «по-русски везде, где только это позволяли стеснительные <...> приличия» «казенной службы» (Леонтьев. Т. 6, кн. 1. С. 515). Казакин – «полукафтан с борами, прямым воротником, без пуговиц, на крючках» (Даль). Скорее всего, мемуарист не точен. Ниже сам он упоминает другой вид русской одежды – поддевку. Большинство мемуаристов, описывая одежду Леонтьева, используют именно это слово. Сам он в письмах говорил порой даже просто об армяке.

Дело в том, что свое платье он отчасти «придумал» сам: полы его поддевки были длиннее обычных, так что она уже почти напоминала подрясник, к которому Леонтьев привык еще с 1874 г. (когда он поступил послушником в Николо-Угрешский монастырь). (В Оптиной пустыни он мог уже свободно носить подрясник.)

Во время письменных работ Константин Николаевич запирался в кабинете на ключ... – Леонтьев привык работать по утрам, приблизительно до часу дня, и требовал от домашних соблюдения полной тишины.

...не делал исключения даже и для уважаемого им М. Н. Каткова. – Леонтьев был знаком с М. Н. Катковым еще с 1850-х гг., печатался в его изданиях, но никаких других свидетельств, кроме этого упоминания Миляева, о том, что редактор «Московских ведомостей» посещал его дома, у нас не имеется. Сам Леонтьев вспоминал всегда лишь о встречах в редакции.

...почти не пропускал ни одной ранней обедни... – Учитывая жалобы Леонтьева на постоянную бессонницу, трудно представить сего его постоянным богомольцем на ранних обеднях, тем более что он неоднократно говорил о своей любви к *поздним* (более торжественным) службам.

Меня уж постучал. – Леонтьев имел в виду кризис, пережитый им в 1870–1871 гг., закончившийся смертельной болезнью и обращением, как он говорил, в «личное Православие» (под «личным» надо понимать не какой-то «только ему лично» присущий вид исповедания и благочестия, но глубину влияния, изменившего всю жизнь и личность этого человека).

...после четырехлетнего пребывания на медицинском факультете Московского университета, поступил военным врачом в Крым (во время войны) ~ был назначен консулом в греческие провинции Турции... – См. примеч. к очерку Кольшко.

«Вот тут-то Он меня и постучал», – добавил он, не разъясняя подробнее сути дела. – Подробности своего обращения Леонтьев рассказывать не любил. Некоторое исключение он сделал только для Л. А. Тихомирова (который, впрочем, передавая его рассказ, много нафантазировал) и для В. В. Розанова.

...в одну прекрасную ночь исчез бесследно ~ оказался на Афоне, в одном из монастырей, где и пробыл более года, и затем так же неожиданно явился в мире... – Миляев несколько романизирует биографию Леонтьева, как она ему запомнилась. «Исчез» он только из поля зрения своего прямого начальника, посла Н. П. Игнатьева, который еще долго получал донесения, помеченные «Салоники», а на самом деле написанные на Святой Горе (это привело к служебным нареканиям на Леонтьева, ускорившим в конечном итоге его отставку).

...переселился в Оптину пустынь ~ принял тайный постриг... – См. примеч. к очерку Колышко.

...затем переехал в Троицкую лавру, близ которой и похоронен (1891 г.) в Гефсиманском скиту. – О погребении Леонтьева см.: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты». С. 724–726.

...оригинальная женщина и порой совершенно ребенок. – Е. П. Леонтьева еще в конце 1860-х гг. заболела душевным расстройством, которое в периоды вне обострений проявлялось именно так, как описано мемуаристом.

...к кондитеру Фельш на Арбате... – Одна из лучших московских кондитерских; упоминается в произведениях Андрея Белого, И. С. Шмелева.

...представляться генерал-губернатору. – Московским генерал-губернатором с 1865 г. был князь Владимир Андреевич Долгоруков (1810–1891).

...в русской поддевке. – См. выше.

...вошел человек К<онстантина> Н<иколаевича>... – Если время действия этого эпизода – не ранее 1883 г., то речь идет об Александре Тимофеевиче Пронине, б. крестьянине с. Мазилово под Кунцевом.

...в одной из газеток появился роман, описывающий слишком ясными именами... – С большой долей уверенности можно утверждать, что речь идет о «Московском листке», Н. И. Пастухова, первой в России «бульварной» газете, выходившей с 1881 г.